

Зубова Л.В.

Оренбургский государственный университет

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМЫ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье представлены теоретические вопросы асоциального поведения с точки зрения институционального подхода в психологии. Сделан анализ важнейших психологических концепций на природу асоциальности личности и на обусловленность психологического благополучия личности. Рассматриваются условия становления социально зрелой личности.

В общепринятой классификации наук психологическая наука относится к общественным наукам. Это означает, что важнейшей задачей психологических исследований выступает именно социальная задача изучения внешних и внутренних факторов становления индивидуальной психики с тем, чтобы предложить эффективные средства профилактики девиантного поведения, которое для человека как социального существа всегда является поведением асоциальным, составляющим определенную угрозу обществу. Асоциальное поведение – это весьма широкий спектр индивидуальных психических отклонений, включающих и криминальное сознание, и проявления разного рода мизантропии (например, расизма), и чрезмерную социальную пассивность (страх перед обществом или отвращение к социальной жизни), как и чрезмерную социальную агрессивность (например, у психически ущербных людей, изживающих свои комплексы безудержным стремлением к власти и очень часто ценой страданий целых народов в результате развязывания такими людьми гражданских, межнациональных, межэтнических и даже мировых войн).

Сам термин «асоциальное поведение» указывает на то, что человек с таким поведением составляет проблему не только для себя, но прежде всего для общества, и, следовательно, наука, занимающаяся асоциальным поведением, действительно обязана рассматривать асоциальное сознание скорее как общественный, социально-психологический, нежели индивидуально-психологический феномен. На наш взгляд, в основу разграничения между социально позитивным (укрепляющим общество) и асоциальным поведением может быть положена идея, согласно которой социально позитивное поведение руководствуется устойчивым стремлением индивида к самореализации и постоянному самосовершенствованию в профессионально-трудовой сфере любого профиля. Главное, что наличие данной доминанты толкает

индивида к знаниям, а истинно просвещенный человек во многом гарантирован от асоциальных проявлений, во всяком случае от асоциальности грубого, примитивного толка – связанной с такими предрассудками массового сознания, как ксенофобия, классовая ненависть и др. Например, что касается ксенофобии, то психологи считают ее в прямом смысле дикарским сознанием. Ксенофобия, разъясняют они, – чувство первобытное, оно идет из дикой природы и является законом зоопсихологии, порожденным естественным отбором: в животном мире именно чужой несет опасность. Поэтому стратегия поведения животных – избегать чужого, мимикрировать или быть готовым сразиться. У животных это оправдано, так как опасность реальна. Первобытный человек унаследовал ксенофобию от животных. Он постоянно жил настороже: чужое, неизвестное в любой момент могло обернуться бедой. В первую очередь понятие «чужой» переносили на чужие племена, поскольку угроза – подлинная или мнимая – исходила именно от них. Племена, говорящие на другом языке и соблюдающие другие обычаи, демонизировались. Прошли тысячелетия, но древний инстинкт ксенофобии не исчез. Преодолевается же ксенофобия исключительно образованием и воспитанием.

Психологи утверждают, что неудача человека позитивно реализовать себя социально – в профессии – может не только привести к подрыву у него социально позитивной установки, но даже и создать демографическую проблему – по «закону духовно-демографической детерминации». Согласно этому закону, общество в целом подвержено таким же психологическим стрессам, какие может испытывать отдельный человек в соответствующих жизненных обстоятельствах, и такой общественный стресс (например, в условиях переходного общества) приводит к резкому росту самоубийств, соматических и психических заболеваний, техногенных катастроф, общей смертности, распаду семьи, форми-

руя угрожающую демографическую тенденцию [4]. З. Фрейд считал социально позитивное поведение и психологическое благополучие личности надежными показателями друг друга. По З. Фрейду, как только в личности начинает распоряжаться бессознательная сфера («Оно») – показатель психического нездоровья, личность утрачивает социально позитивную установку, и, наоборот, ведя полноценную социальную жизнь, реализуя себя в профессии, человек с помощью этой доминанты («сверх-Я») способен противостоять своему погружению в асоциальную сферу «Оно».

На взаимную обусловленность психологического благополучия личности и ее социально позитивного поведения указывают и современные исследователи, утверждающие: личность реализует себя в социально позитивном поведении в той мере, в какой она готова себя так реализовать – должна ставиться соответствующая цель [4]. У личности должна быть *готовность* к социально позитивному поведению, а это психологическое состояние, свидетельствующее о психическом здоровье личности, не возникает само собой, оно воспитывается – прежде всего (если не исключительно) в семье. Семья – один из опорных институтов общества, и в целом общество функционирует и развивается как система институтов, выполняющих не просто упорядочивающую социальную жизнь, но и важнейшую психологическую функцию, поскольку люди, создавая институты именно как правила человеческого поведения, рассматривают эти правила социальной жизни с моральной стороны – как должное, норму, позитивное, правильное, как то, что противоположно ненормальному, неправильному, нежелательному.

Отсюда – значение институтов в целом, и, прежде всего института семьи, в формировании у людей поведенческих установок. Общее требование к институтам как должному, норме, позитивному, правильному состоит в том, что они обязаны закреплять в отношениях между людьми «золотое правило морали» – взаимное уважение прав суверенной личности. Если же в институтах общества, в том числе институте семьи (при том, что институт семьи всегда в определенной мере автономен относительно других институтов общества), закреплён тоталитарный принцип отношений власти/подчинения – разделения на управляющих и управляемых, на «субъектов» и «объекты», – такое об-

щество таит опасность анархического бунта «объектов», который сдерживается исключительно насилием со стороны «субъектов», власти. Общество с подобным, на институциональном уровне, дефицитом социально позитивных поведенческих установок нестабильно в принципе, и оно удерживается от массового бунта асоциальности только благодаря институту семьи, который является «частным сектором» в системе общественных отношений и который поэтому воспроизводит нормальный статистический разброс поведенческих установок – асоциальных и социально позитивных [3].

Показательно, что в современных социально-психологических исследованиях все более популярной становится методология так называемого «нового институционализма», подчеркивающая решающую роль институтов в обеспечении жизнедеятельности общественного организма – именно через механизм институционального регулирования поведения людей. Институциональный подход к анализу асоциального поведения позволяет выделить такой существенный фактор роста асоциальных проявлений, как переходное состояние общества. Это состояние характеризуется ситуацией, когда старого институционального каркаса общества уже нет, а новый каркас еще не завершен и не устоялся, а в результате люди испытывают психологический дискомфорт из-за социальной нестабильности, неустроенности, неопределенности ценностных ориентиров. Исследователи формулируют даже закон возрастания вероятности «бунта асоциальности» в переходном (реформируемом) обществе, гласящий, что «постепенное движение в переходном обществе к лучшему состоянию сразу же приводит к ухудшению, и при этом максимум сопротивления реформам достигается раньше, чем наступает самое плохое состояние, через которое нужно пройти для достижения лучшего состояния» [5].

Главное же – этот закон предполагает определенные выводы из него, которые обязаны сделать реформаторы. Выводы заключаются в том, что в интересах укрепления и роста в обществе социально позитивных поведенческих установок необходимо быстро вводить и развивать не любые институты, но только такие, которые побуждают личность к тому, что один из наиболее видных психологов XX века А. Маслоу называл «самоактуализацией». А. Маслоу понимал «самоактуализацию личности» как свободный выбор человеком жизненной

стратегии личностного роста вместо стратегии жертвы, страха принятия решений, социально-го иждивенчества, низких потребностей [9].

Проблема самоактуализации личности – очень старая проблема свободы в человеческом обществе, практическое решение которой на протяжении уже тысячелетий сопровождает философский спор о соотношении в человеке свободы и детерминизма. В пользу того, что наиболее существенной психологической характеристикой человеческой природы является именно свобода, свидетельствует статистический (а не жестко детерминистский) характер социальных систем. Согласно теории систем, общество представляет собой весьма сложную статистическую систему, а все статистические системы, в том числе в неживой природе, функционируют на фундаментальном условии «индивидуальной свободы». Поэтому институты общества обязаны воспроизводить это фундаментальное условие выживаемости и прочности статистической системы, иначе обществу как статистической системе грозит коллапс.

Еще античные мыслители (в частности Сократ) заложили традицию признания свободы личности основополагающей социальной ценностью и показателем психологического здоровья общества. Современные же исследователи подтверждают: «Чем здоровее душевно становится человек, тем свободнее он или она творят себя из жизненного материала и тем больший потенциал приобретает в них свобода» [14]. Аналогичная традиция представлена и в отечественной психологической науке, где в отношении человека еще в ранние советские времена специально разрабатывались такие категории свободы, как «индивид», «личность», «субъект жизни», «субъект деятельности». Акцент делался именно на «субъектной» концепции человека – как свободного (лично ответственного, творческого) деятеля. Особо подчеркивалось, что человек, являясь прежде всего «деятелем», – тем не менее, не просто «деятель» (таким, и весьма эффективным, может быть и робот), но деятель творческий и свободный («самодеятель») [2].

В отечественной психологической науке еще в 1922 году (С.Л. Рубинштейном) была разработана категория «субъект жизни» с тем, чтобы подтвердить естественное право личности на самоопределение – планирование, организацию и регулирование собственной жизни. При чем категория «субъект жизни» понималась в

фундаментальном смысле способности человеческого сознания быть не просто вместилищем знания, но *отношением* – занимать определенную позицию, без которой нет личности [17]. Данная традиция получила новую жизнь в психологической науке современной России, например, в определении человека как «зачинщика», субъекта своего жизнепостроения...» [1]. Или в таком пассаже: «Важной характеристикой субъективности является способность человека успешно преодолевать возникающие жизненные противоречия, проблемы, проявлять при этом активность, стремиться управлять событиями, а не плыть по течению жизни. Этой способностью высшего порядка личность обладает в том случае, если выступает как субъект жизни» [6].

Многие известные представители психологической науки на Западе, такие, как А. Адлер, А. Маслоу, К. Роджерс и др., вообще утверждают, что свобода выбора – квинтэссенция того, что подразумевает понятие «человек». В частности В. Франкл, рассматривающий общество как «пространства личной свободы», указывает, что «пространства свободы» обнаруживаются даже в самых, казалось бы, безнадежных условиях, например, в концлагерях [18]. И это наблюдение В. Франкла подтверждает, что человек свободен по природе, он не может не создавать «пространства свободы» в любом месте своего обитания – даже там и тогда, где и когда кому-то приходит в голову избавить людей от свободы воли.

Правда, существует и детерминистская теория личности (например, З. Фрейда, Б. Скиннера, Р. Крачфилда, Дж. Олдса и др.), утверждающая, что человеку трудно реализовать потенциал самоактуализации, поскольку человек полностью подчинен: голосу своего бессознательного; знакам внешнего подтверждения; опыту ранних лет жизни; собственной физиологии; генетической предрасположенности; культурной традиции и т. д. Однако крупный изъян этой теории состоит в том, что она рассматривает человека лишь как объект социальных и биологических стимулов и сигналов, на которые человек вынужден реагировать, не имея поэтому возможностей субъекта: управления своей жизнью посредством формирования собственной позиции по праву свободного личностного выбора [16]. Таким образом, понижая возможности человека как субъекта, детерминистская теория личности, вольно или

невольно, обосновывает идею человека как объекта власти, в том числе власти человека над человеком. Указанный детерминизм в человеческом поведении, конечно, имеет место, но он, в отличие от свободы, не является родовой характеристикой человека и создаваемых им социальных систем.

Характерно, что никто из психологов, отечественных и зарубежных, реально не является приверженцем детерминистской теории личности, поскольку все признают определяющей чертой человека именно сознание – не как подчинение, но как рациональность, т. е. способность делать самостоятельный выбор, самостоятельно формировать собственную позицию, самостоятельно принимать решения. Естественно, что это родовое стремление человека быть субъектом, распоряжаться собой требует своего закрепления в соответствующих институтах. И если такого закрепления не происходит – насаждаются институты, ущемляющие естественное человеческое право «субъекта жизни», – в обществе резко возрастают риски «бунта асоциальности», поскольку человеческая рациональность, загоняемая в рамки сознания подчинения, накапливает потенциал именно правового нигилизма, неподчинения, бунта, анархии.

На социально-институциональный фактор роста (гашения) асоциальных проявлений указывали еще античные мыслители, которые разделяли институциональные системы общества на «хорошие» и «плохие». Например, для Платона худшими общественными устройствами были системы тупого властного произвола – тирания и охлократия (власть толпы). В более поздние времена Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, А. Токвиль пытались определить степень свободы в обществе, оптимальную для устойчивого воспроизведения массовых социально-позитивных поведенческих установок как основы жизнеспособности и жизнестойкости общественного организма.

Любая политическая система, рассуждали эти мыслители, требует от граждан некоторых жертв в отношении их свободы. Однако, полагал Ш. Монтескье, только демократия, в отличие от монархии, а тем более деспотии, поддерживает совокупность дисциплинарных требований, избегая насилия [12]. По Ш. Монтескье, именно демократические институты, отказавшись от насилия, чтобы призвать к дисциплине, жертвам и мобилизовать людей на защиту себя в случае опасности, формируют у граждан

желание отождествить себя с такой институциональной системой, признать ее «своей» [13]. Подобным образом Н. Макиавелли считал, что укрепить социально-позитивные поведенческие установки гораздо легче в обществе, где гражданская свобода дает эффект самоидентификации граждан с институтами, нежели в деспотии, где такой эффект недостижим. Он был убежден, что устойчивый порядок возможен лишь тогда, когда государство делится властью с обществом: только тогда народ, не ощущающий давления политической системы, будет добровольно объединяться с ней и защищать ее.

Институциональный подход к анализу асоциального поведения имеет независимое обоснование в авторитетной у психологов холистической теории личности, рассматривающей человека не как сумму отдельных его измерений – биологического, социального, рационального, иррационального, волевого, установочного, деятельностного и т. д., – но как целостную их систему. Такой холизм проводит идею антропосоциогенеза – неотделимости человека от общества, что имеет прямое следствие для правильной постановки проблемы асоциального поведения, которое относится не только к индивидуальному, но и социальному опыту. Психологи прямо говорят, что «психические свойства личности не могут быть раскрыты ни как функциональные, ни тем более как материально-структурные, они принадлежат к категории свойств, которые определяются как системные. А это значит, что для раскрытия их объективного основания нужно выйти в исследовании за пределы индивида и рассмотреть его как элемент системы. Этой системой является общество» [8]. В отечественной психологической науке эта позиция еще в 1970-х годах получила наиболее последовательную разработку в так называемом «инвайронментализме», согласно которому «личность человека ни в каком смысле не является предшествующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она ею порождается... Сущность личности может быть раскрыта только в ходе социально-психологического изучения индивида, а ведущим критерием ее развития является социальная зрелость, т. е. понять и определить основные свойства человека можно только через анализ отношения «индивид-общество» [7].

По мнению, в частности, видного психолога Р. Мэя, тремя составляющими устойчивой личности являются свобода, индивидуальность

и социальная интегрированность, притом, согласно Р. Мэю, «предельное растворение индивида в обществе не только невозможно, но и нежелательно... Стихия личности – творчество, а не прозябание... Социальная жизнь человека – это конструктивное перераспределение напряжений, а не абсолютная гармония... Задача – не в полном устранении конфликтов, это приведет только к застою, но в превращении деструктивных конфликтов в конструктивные» [15]. Таким образом, нормальная личность как «свобода и индивидуальность» стремится к социальной интеграции и использует социальную интеграцию отчасти для того, чтобы обрести «внутреннее равновесие», но прежде всего с целью проявить свое «Я». Если бы это было не так, идеальными для личности следовало бы признать условия жизни Робинзона на необитаемом острове: при гарантированной материальной обеспеченности (жилищем, едой, одеждой) – полное отсутствие поводов к нарушению «внутреннего равновесия».

Эту «проблему Робинзона» ставит А. Маслоу: «Если мотивация состоит по существу из защитного устранения раздражающих напряжений и если единственным результатом снижения напряжения оказывается состояние пассивного ожидания новых неприятных раздражений, которые в свою очередь потребуются снять, как же происходит изменение, развитие, движение? Почему люди становятся лучше, мудрее? Что делает жизнь интересной?.. Все имеющиеся у нас данные позволяют предположить практически в каждом человеке и определенно почти в каждом новорожденном активное стремление к здоровью, импульс к росту, или к актуализации человеческого потенциала» [10]. Тем самым психологи дают понять: человек не просто «оказывается» и «пребывает» в обществе, но он *стремится* в общество, чтобы на этой «публичной арене» пройти свой путь развития – самоактуализации.

Социализация индивида – единственный и самый сложный механизм (в котором взаимно переплетены в единое целое интерпсихологические и интрапсихологические детерминанты личности) формирования у человека социально позитивных или асоциальных установок. Этот механизм чрезвычайно сложен, поскольку приводится в действие целой системой объективных и субъективных факторов. Среди них фактор семьи – не только главный, но и крайне непредсказуемый, наименее управляемый. Достаточ-

но сказать, что на семье лежит миссия не просто воспитать у подрастающего поколения социально позитивные установки, но решить гораздо более тонкую проблему воспитания у ребенка *смелости* к развитию своей личности, что есть высшее проявление социально позитивного настроения человека. Далеко не каждая семья способна поднять социализацию на такой уровень. Проблема сформулирована психологами, указывающими следующие причины, по которым число людей, не боящихся собственных способностей, составляет лишь малый процент:

– как ни парадоксально, но ведущий у родового человека инстинкт инноваций, собственно и создавший человеческую цивилизацию, достаточно слаб на уровне отдельного человека, поскольку легко подавляется дурными привычками и негативными жизненными обстоятельствами: бедностью, неинтеллектуальной средой, неадекватным образованием и т. д.;

– в современном цивилизованном обществе не приветствуется свободное проявление любых «инстинктов», и, следовательно, в «приличном обществе» в сферу отрицательных мотиваций попадает и человеческий инстинкт инноваций;

– свободное проявление инстинкта инноваций – это всегда рискованное поведение, связанное с конфликтом и высокой вероятностью неудачи, а между тем у человека существует такой сильный мотив низкого уровня, как потребность в безопасности, и этот мотив делает движение человека вперед к росту всякий раз очень нелегким выбором, преодолевающим страх риска: даже здоровый ребенок в незнакомой обстановке становится более осторожным, менее любознательным;

– во всех нас сидит «комплекс Ионы» – боязнь своих способностей и их роста: мы боимся наших не только низших, но и высших возможностей. Часто мы бежим от ответственности, которую возлагает на нас (или, скорее, предлагает нам) природа, судьба, а иногда и случай;

– личность «прячет» свой потенциал роста, опасаясь суда обыденных представлений о том, скажем, каким должен быть «настоящий мужчина», а он, по обыденным представлениям, не должен особо проявлять симпатию, доброту, мягкость, нежность: вообще говоря, обыденные представления приветствуют скорее консерватизм, закрытость, нежели авангардизм, открытость, искренность;

– человеческий инстинкт инноваций подавляется привычками, но сколь бы полезны ни были

навыки в отношении неизменных аспектов мира, они превращаются в помеху и препятствие, когда организм встречается с его изменяющимися аспектами, с уникальными, новыми проблемами, с которыми ранее не приходилось сталкиваться: «характерно, что отсутствие интереса или минимальный интерес к новому и неизвестному отличает среднего невротика» [11].

Таким образом, получается, что «средними невротиками» – группой риска в отношении асоциального поведения – является большинство населения планеты. Решение этой пробле-

мы – в соответствующем регулировании семьи как главного института социализации. Прямое регулирование практически невозможно, поскольку семья – «частная» территория общественных отношений. Однако вполне возможно эффективное косвенное регулирование – через встраивание института семьи в систему институтов общества, которая не только не подавляет в человеке «свободу, индивидуальность и социальную интеграцию», но, напротив, активизирует такую, социально позитивную, самоактуализацию личности.

Список использованной литературы:

1. Акмеология. – М., 2001. – №1. – С.3.
2. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. – М., 1994; Брушлинский А.В. Субъект и его деятельность // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. – М., 1997. – С.208-261.
3. Bandura A. Self – efficacy mechanism in human agency // American psychologist. – 1982. – Vol.37. – P. 122 – 147.
4. Гундаров И. А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. – М., 2001. – С.21-22.
5. Давыдов А.А. Социальная информатика: переходные периоды в социальных системах // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1997 / Под ред. Гвишиани Д.М., Садовского В.Н. и др. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – С.101.
6. Деркач А.А. Акмеологические резервы развития творческого потенциала личности // Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн.1-5. – М.: РАГС, 2000. – Кн.3. – С.15.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975. – С.159, 172, 186. См. также: Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. Брушлинского А.В. – М., 1997. – С.320-321.
8. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1984. – С.293.
9. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М.: «Смысл», 1999. – С.51.
10. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М.: «Смысл», 1999. – С.384-385
11. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М.: «Смысл», 1999. – С.43, 46, 159, 385-386.
12. Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1955. – Кн. IV. – С.182, 185.
13. Монтескье Ш. Указ. соч. – С.191.
14. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. – М., 1999. – С.18. См. также: Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (основные положения, исследования и применение). – СПб., 1997.
15. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. – М., 1999. – С.18, 25, 30.
16. Орлов А.Б. Человекоцентрированный подход в психологии, психотерапии, образовании и политике // Вопросы психологии. – М., 2002. – №2. – С.70.
17. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – М., 1957. – С.32.
18. Франкл В. Человек в поисках смысла / Пер. с англ. под ред. Гозмана Л.Я., Леонтьева Д.А. – М.: Прогресс, 1990.